

ДОБЛЕСТЬ

Вторая Карабахская война ворвалась в нашу жизнь неожиданно. И каждый из нас должен был решить, что ему делать в этой жизни дальше. Вчера мальчишки взвалили на себя ответственность не только за себя, за свои слова и поступки, но и за тех, кто рядом, за все, что происходит в этой жизни.

Басти ПАША,
«Бакинский рабочий»

Мой собеседник - гази 44-дневной Отечественной войны **Анатолий Алексеевич Макропуз**, лезгин, представитель многонационального азербайджанского народа. Родился Толик в поселке Сахиль Гарадагского района Баку, окончил лицей судостроения, работал по специальности. Когда началась война, ему было 18 и он находился на срочной службе в Тертере.

- По назначению я попал в минометную батарею, - рассказывает Анатолий. - Наше подразделение находилось в Тертере, в селе Маргушеван, это как бы ворота в Агдере.

Помню, утром нам приказали привести воды. Поблизости размещалась другая батарея. Мы вдвоем с сослуживцем побежали туда. Нужно было бегом преодолеть 300 метров открытой местности, которую контролировали вражеские снайперы. Мы благополучно добежали до места назначения, а когда возвращались обратно, примерно в полседьмого утра, вижу, как командир кричит: «Быстро бегите сюда, быстро». Прибежали, распределили воду, и я сел, как обычно, рядом с рацией... Затем послышались пушечные залпы... Пехота пошла в наступление, а минбат обеспечивал ей прикрытие...

Так для меня началась война. Думал, что идут учения. Как будто в гонги били, минут сорок, не останавливаясь, длилась канонада, - вспоминает Анатолий. - Я не верил до последнего, даже когда наши стали обстреливать армянские позиции. Последним отрезвляющим моментом стал разорвавшийся рядом снаряд. Когда земля поднимается дыбом, копоть оседает на лицах солдат, ты уже осознаешь: это - не полигон, это - война. Потому что в тебя стреляют, и... либо тебя, либо ты. Незаметно подкрался страх, в голове все смешалось...

Он не успел стать добровольцем, он был призван в армию. Мальчишки в детстве играют в войну. Но война со своими реалиями не играет в дворе или компьютерная на мониторе. Война - это жестокая действительность со своими правилами выживания и взаимопомощи.

- Когда увидел, что идут танки, ведется интенсивный обстрел из минометов, понял, надо отстреливаться. Надо остановить врага. Наша батарея понесла потери.

Где это было?

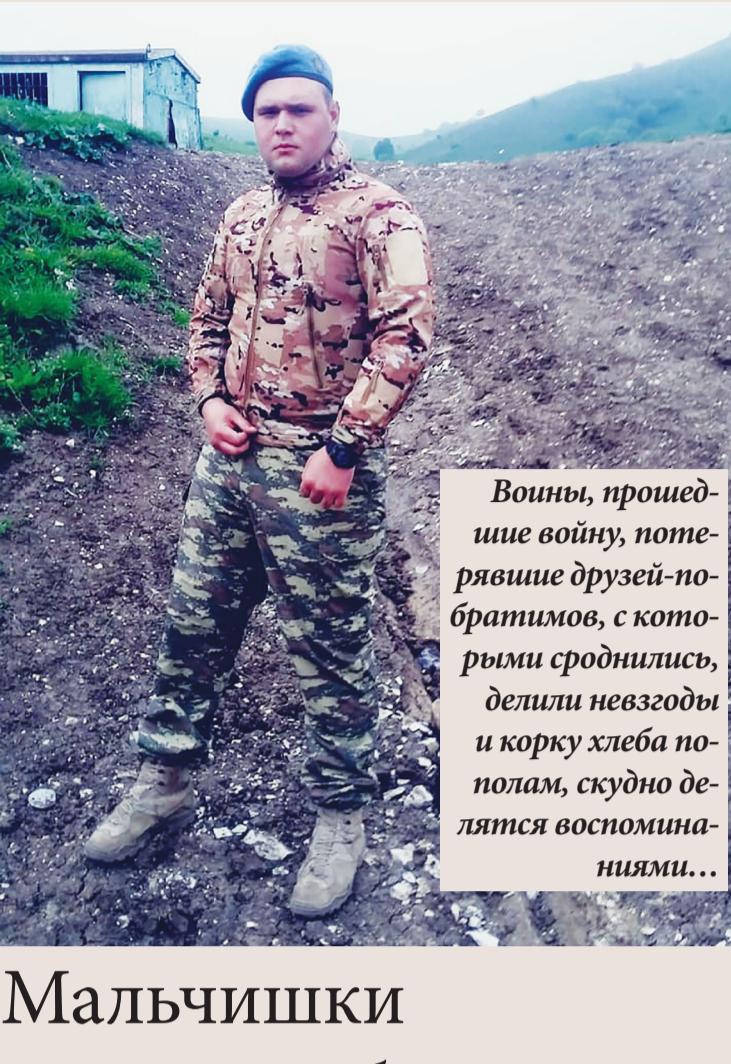
- На спуске в Агдере мы следовали за пехотой и били на расстоянии. Но бывало, что и брали автоматы в руки и вступали в бой. Отстреливаясь, прикрывали тех, кто спасал раненых и выносил с поля боя шехидов, лишь бы на поле боя их не осталось.

Чтобы не было глумления над телами...

- Да. Мы не могли допустить этого. Сколько видео с первой Карабахской войны сохранилось, когда армяне, не гнушаясь ничем, показывали свой «героизм» над трупами наших шехидов, а уж о раненых и говорить не приходится... Они просто опустились ниже плинтуса в глазах всего мира. Мы не отступали. Зная о жестокости и подлости армян, не оставляли ни раненых, ни наших шехидов, чтобы даже случайные снаряды в них не попадали.

Анатолий задумался...

Он рассказывал, а я, слушая его, представляла себя на поле боя, понимала их состояние - никто не хотел даже шехидом остаться на поле боя. То, что вытворяли армяне над трупом нашего шехида Мубариза Ибрагимова, не укладывается в голове, всю свою

Воины, прошедшие войну, потерявшие друзей-побратимов, с которыми сроднились, делили невзгоды и корку хлеба пополам, скучно делятся воспоминаниями...

Мальчишки уходили в бессмертие

Когда началась война,
Анатолию Макропузу было всего 18

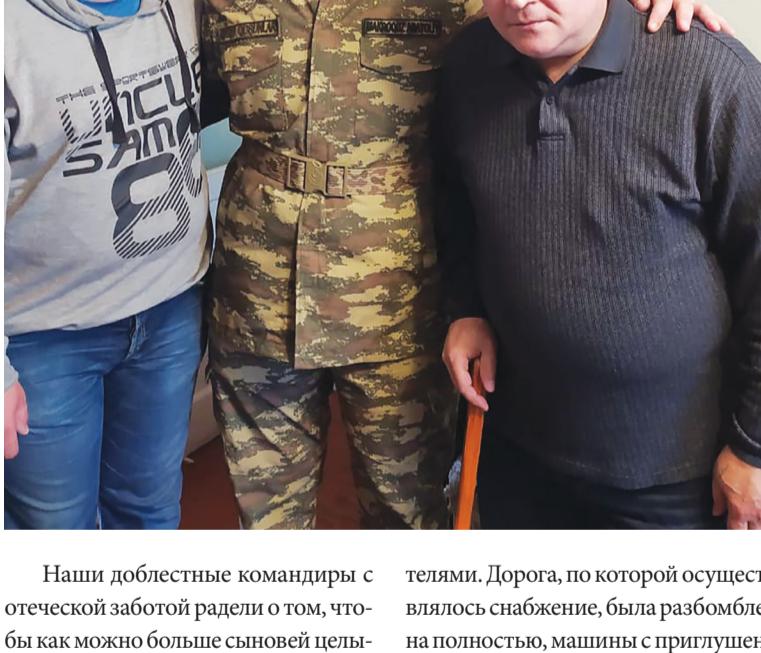
ненависть они излили на нем. Это не должно было повториться.

- Наш командир - капитан Раиль Зюмюрлю за каждого солдата переживал, оберегал нас как родной отец, - рассказывает Анатолий. - Он говорил: «Я не смогу твоей маме или твоему отцу сказать, что их сын стал шехидом...» Каждый раз, когда шел прицельный обстрел, он заводил как можно больше не занятых в бою солдат в блиндажи, в окопы, в безопасное место и никого не выпускал наружу. Он боялся за нас, восемнадцатилетних. Он делал все возможное, чтобы как можно меньше избежать потерь...

дела?», он замер: «Ты где?» Я не мог говорить, у меня в горле ком стоял от волнения. И правду сказать нельзя, отец еще больше волноваться будет. Поэтому я и говорю ему: «Пап, мы на учениях, мы не впереди, мы на учениях». Стандартный такой ответ. Я почти убедил отца...

- Уже ваше «Мы не впереди...» разубедило отца в правдивости ваших слов об учении...

- Да, к тому же еще рядом снаряд упал, папа понял и говорит: «Ну кому ты врешь?» Я только второпях сказал: «Пап, я еще позову...» Спасибо военной полиции, что тогда дали возможность нам поговорить с роди-

Наши доблестные командиры с отеческой заботой радели о том, чтобы как можно больше сыновей целими и невредимыми вернулись домой к родителям. Вот откуда всенародная любовь к генералу Поладу Гашимову, вот почему солдаты были благодарны ему, и каждый парень рвался в бой добровольцем. Они, командиры, в ответе за каждого из своих подчиненных.

- До начала войны я домой почти не звонил, служба шла нормально и звонить домой не было особой необходимости. Когда началась война, в Маргушеване нас разместили в здании военной полиции. У нас у всех телефоны были разряжены. Там я попросил телефон, чтобы позвонить родным. Дошла очередь и до меня, из 33 человек я был двадцать пятым. Дозвонился домой уже среди ночи. Трубку взял папа. Спрашивало: «Пап, как

тельями. Дорога, по которой осуществлялось снабжение, была разбомблена полностью, машины с приглушенными фарами с трудом добирались до нас, и в первую очередь привозили снаряды и медикаменты. Потом нас перекинули в Талышкенд, Чайлы, мы обстреливали противоположную сторону села Чайлы, где находился армянский пост - двухэтажный, бетонированный. Мы его никак пробить не могли. Они оттуда, как черви, все лезли и лезли. Ты его обстреливаешь, а они все равно лезут... Были потери и с нашей стороны, и с их

Анатолий рассказывает, что у противника были хорошо укрепленные блиндажи и дзоты. Азербайджанцы за три послевоенных года столько сел, городов восстановили и подняли из руин, инфраструктуру построили, провели разминирование огромной оккупированной территории, а армя-

не за 30 лет, как кроты, делали только подкопы, рыли окопы, блиндажи, дадзоты укрепляли. Они думали, что таким образом навечно останутся на нашей земле, но это им не помогло. Сколько бы ни копали, себе только яму вырыли.

- 13 октября, когда мы вернулись на свою позицию, я получил ранение. Меня контузило: от ударной волны разорвавшегося снаряда подкинуло вверх и под тяжестью своего веса я сильно ударился оземь. В правом колене у меня порвался мениск, нога распухла. Одновременно ранило моего боевого товарища Вюгара Шахлиева, мы с ним в одной школе учились. Чтобы помочь ребятам, я вылез из укрытия. И тогда до меня дошла весть: Вюгара ранило. Он родился без отца, у него была только мать... У меня ком к горлу подкатил, сижу, но не могу проявить слабость, кричу: «Шахлиев, Шахлиев...» Смотрю, он из другого блиндажа мне машет рукой, типа все хорошо, а у самого повязка на руке, рядом с артериальной веной прошли осколки, они по всему лицу, по предплечью до локтя... (на время замолкает).

- Вы тоже единственный сын в семье?

- Нет, у меня есть младший брат. Он на три года младше меня.

Рассказывали ему о войне...

- Когда я вернулся с войны, отец расспрашивал меня, кстати, он тоже ветеран. Он гази первой Карабахской - Алексей Михайлович Макропуз. Вовал в Тертере, Агдере и Физули. Я как будто шел по стопам отца. Он расспрашивал меня, но я не рассказывал о том, что видел, пережил. Не хочу грузить родных (умолкает на время). На моих глазах погибали мои боевые товарищи, совсем молодые, моих лет, получали ранения... Нужно об этом рассказывать дома или кому-то другому?!

До сих пор смирился не могу. Когда встречаюсь с ребятами, стараемся не ворошить прошлое... Больно...

Понимаю. Но с нами можете поделиться?

- У меня погиб друг Ровшан Мамедага оглу Исмаилов. Мы были знакомы до армии. Когда нас призвали в армию, мы встретились и по возможности уже не расставались. Вместе всегда были. Но он попал в пехоту в той же части, в которой я служил в минбате. В день, когда меня ранило, когда я получил контузию 13-го числа... ну я не знаю, как это сказать (продолжительная пауза, с трудом выдавливает из себя), его убили. Снайпер попал ему в горло...

Все произошло у вас на глазах?

- Да, мы видели все это. Просто у меня не было сил туда пойти и вытащить его, я сам был ранен. Настолько мощно велись обстрелы, что даже голову поднять невозможно было... Все мы были на первой линии. Эти два солдата, Мухаммедали Ибрагимли и Ровшан Исмаилов, они бежали к переднему окопу... Но мы отомстили за них мощной атакой...

Воины, прошедшие войну, потерявшие друзей-побратимов, с которыми сроднились, делили невзгоды и корку хлеба пополам, скучно делятся воспоминаниями...

Они, наши мальчишки, рано повзросли, к ним быстро пришла зрелость. И этот процесс такой же естественный, как и мучительный. Они в бою познавали цену чести, достоинству, товариществу, дружбе, человеческой жизни. Преобладающее большинство из них избегает темы войны, подробности боев... Но они говорят о братстве, о взаимопомощи, о родстве душ, о испытании войной стойкости и чести человека.

Наши солдаты верили своим командирам. И потому сплотились в единый стальной кулак вокруг своего Верховного Главнокомандующего, Президента Ильхама Алиева. Азербайджанский народ выстоял перед врагом, очистил наши земли от армянских оккупантов и восстановил территориальную целостность любимой Родины.

Слава воинам Азербайджана!

Героям Азербайджана слава, слава, слава!!!